

Обвяжи мне шею лебяжьими руками.
 Что же было с нами?
 Ты меня целуешь нежными губами.
 Что же стало с нами?
 Ты проходишь мимо, задевая пламя.
 Что же будет с нами?

Возможно, взрослое представление о детях вообще, о четырнадцатилетних подростках в частности очень сильно заужено. Возможно, человек – он вообще всегда во весь рост, просто, во-первых, общество вместе с культурой и предлагают, и навязывают ему определённые, неминуемо тесные и искажающие, модели самопонимания и самоосуществления (но не все, как видим, готовы и согласны принять такие модели в качестве собственных); во-вторых, не каждый умеет эту полноту человечности замечать даже в самом себе. Игорь умел – и модели поведения и самопонимания принимал очень избирательно. Прежде всего – на вырост.

Андрей ПЕРМЯКОВ

СМУТНЫЙ ОБЪЕКТ РЕВОЛЮЦИЙ

Алексей Радов. Не себе. – М.: Б.С.Г-Пресс, 2023. – 328 с.

Попав в созданный автором мир, боле-е-менее к нему привыкнув, непременно хочешь остановиться, оглянуться. Когда мир в целом соответствует привычному, начинаешь поиск личных зацепочек. Дабы совпасть ритму прозы. Или, наоборот, ищешь несообразности, анахронизмы – если книжка с ходу не глянулась. Читая нечто в жанре «другое время, другая галактика», расслабляешься и получаешь удовольствие. Пока не надоест.

Но как быть, если мир вроде наш, однако перекрученный какой-то? Или чуть вывернутый. Вроде даны явные, тонкие приметы времени:

«– Да трезвый я.

– Я слышу. Кто из вас в поезде трезвый ездит.

– Сейчас совсем другие поезда. Даже бутылка пива экстрим».

Кто часто пользуется гостеприимством РЖД, знает: с алкоголем в поездах ведомство стало всерьёз бороться в 2011-м. Через год накал сражений достиг апогея. Дальше, кажется, полегчало. Хотя не везде – в Сибири по сей день проводники часто вызывают полицию. Протоколы, штрафы, высадки на малоприспособленных к жизни станциях. Канитель, словом.

Примерно тому же времени – первым годам второго десятилетия нашего века – соответствуют и другие приметы. Мобильные поголовно у всех, однако мессенджеры ещё не получили тотального распространения. Роуминг являет собой проблему. Общественные настроения тоже такие... докрымские. Многие честно верят в революцию и пытаются оную устроить. Как умеют:

«– Эй, революционеры, иди сюда!

Они стали идти быстрее, потом побежали».

А спустя несколько страниц один из бунтовщиков риторически удивляется: *«Как так – вчера убежать от полиции, а сегодня работать на эту самую власть».* Ну, как? Нормально. Бывало подобное лет тринадцать-пятнадцать назад сплошь и рядом.

Вроде со временем действия определились, и тут бум! *«Англичанин поправил, теперь в Англии король. И все ему подчиняются? – невинно спросила Лиза. Да, мы чтим корону, – последовал ответ».* То есть на дворе 2023 год из немного примороженной реальности? Тогда почему вдруг заново стали появляться вытрезвители, закрывшиеся в том же 2011-м? Может, вообще дело происходит в недалёком будущем, только немножко поехавшем?

Ну, бывает. Локализоваться во времени не удалось. Будем определяться в пространстве. Разумеется, в литературном. Сначала приходят в ум ассоциации ближайшие. Например, прозвучавший несколько лет назад роман Алексея Сальникова «Петровы в гриппе и вокруг него». Там мир наполовину или более состоял из тягучих псевдогаллюцинаций, вызванных болезнью и общим неустроением жизни. Перемешанные явь, бред, сон, уходящие в никуда

диалоги – безусловные точки соприкосновения той книги с читаемой нами.

Но есть важное отличие. Действие у Сальникова оборачивалось бездействием. Оно происходило точно в паутине и как с горки катилось к открытому финалу. Иного там не предполагалось. Роман «Не себе» устроен иным образом. Люди тут, конечно, часто бредят и много спят, но сюжет продвигается более чем динамично. Причём в мире большом, внешнем по отношению к персонажам, событий больше и они масштабней. Нет, герои сами активничают, носятся по миру, но обстоятельства довлеют.

Тогда наоборот: обратимся к литературам старинным. Немотивированность насилия и видимая алогичность поступков напоминает исландские саги: «*Они взяли по паре портера и сели на бордюры. Было приятно сидеть с ним вот так вот просто. Дезанов весь подобрался и ударил друга Лизы в скулу. Но синяка не появилось. Тот вспылил, вылил портер на мостовую и быстрым шагом ушел*». О сагах же заставляет вспомнить и внезапное появление совершенно новых персон, коих текст, вроде, не предполагал в своём прежнем движении. Скажем, следующие господа и дамы появляются без прелюдий, ниоткуда:

«Глава 5. НАШЛИ ДЕНЬГИ

Глеб и Денис копают у дерева. Даша в наушниках слушает блэк-метал, прислонившись к соседнему дереву.

– Что-то звякнуло, – заявил Глеб.

– Это у тебя айфон сел, – ответил Денис.

– Там металл, – продолжал Глеб.

Денис в гневе отбрасывает лопату.

– Нет, что-то большое, – говорил Глеб.

Глеб начинает азартно раскидывать землю. Вон он достает железный ящик. Зина равнодушно хмыкает. Глеб достает зубило и открывает ящик.

– Только не говори, что это и есть клад твоего прапрадеда.

– Хорошо, не скажу. – Захлопывает крышку.

– Опять ржавый садовый инструмент?

Пошли, я совсем замерзла.

Глеб подмигивает Зине. Она подходит, он открывает ящик, полный денег.

Денис тоже подходит. Быстро оценивает обстановку, хватая лопату и бьет наотмашь по голове Глеба, но Зина это видит и успевает Глеба оттолкнуть.

Тот хватается за вторую лопату, они начинают биться на лопатах, как двуручными мечами.

– Перестаньте немедленно! Какие же вы комсомольцы!»

Простоквашино в антураже ролевиков? Так Простоквашино – сага. И «Крёстный отец» – сага. И, к примеру, повести Владимира Кочнева «Дежавю» и «Герои подворотен», вышедшие лет пятнадцать назад – вполне себе небольшие саги. Жанровое определение не означает понимания.

Кроме того, определение хромает. Да, в книге Радова, как в сагах, со временем побуждения действующих лиц мотивы их появления, связи с иными субъектами и структурами делаются более или менее ясными. Разумеется, ясными – во внутримировом контексте. Но обильные безумные диалоги в структуру саг никак не укладываются.

Диалоги в самом деле нетривиальны. Зато в безумии этом есть своя система. Причём у каждого сновидца – собственная. Но пересекающаяся с системами других. К середине, если совсем точно, к шестой главе, формируется fuga слов: с повторяющимися мотивами и отдельными партиями участников действия. Каждый, вроде, говорит о своём, но вербальная коммуникация не препятствует развитию сюжета и своеобразному взаимопониманию.

А параллельно фуге слов формируется столь же непростой устроенной fuga снов. Смотри мы сны за кого-либо одного, ситуация оказалась бы куда более простой. Каждый из персонажей не раз мог погибнуть. Многие – в самом начале. Оттого нетрудно принять замороженную структуру повествования за чьи-то предсмертные видения. Как в «Мосте через Свинный ручей»¹. Или наоборот: раз герои,

¹ Тут я, автор рецензии, уже вынужден просить прощенья за чрезмерную концентрацию книжных названий. Потерпите, осталась буквально пара-тройка. Ну, пускай, четыре-пять. Но правда: вся эта библиография сама собой возникла в голове по мере чтения. К счастью, окажется: она не имеет почти никакого отношения к делу. Ага, почти.

вроде обречённые на гибель, периодически выживают и воскресают, значит кто-то их очень хотел убить. Просто не хватило силы или решимости. Помните, в книжке «Американский психопат» Патрик Бэйтман убивает всех подряд? Как выясняется в финале, делает это он исключительно в собственном воображении¹. Зато с качественными подробностями.

Однако всё сложнее. Сон у Радова – объективная реальность. А что? Если мечта бывает общей, как долго учили наших предков, отчего общими не могут стать сны? Зря, что ли, сны и грёзы во многих языках носят общее название? И вопрос «зачем снятся сны?» в мировой культуре (особенно – в контркультуре) относится к разряду фундаментальнейших.

Кстати, не так давно, в 2013-м, кажется, эта проблема получила довольно научное разрешение. Когда сделалось возможным МРТ-исследование с хорошим качеством и надлежащей длительностью, исследователи увидели: клетки мозга во сне прилично сжимаются. По линейным размерам процентов на тридцать-сорок, а в объёме, стало быть, почти втрое. Это надо, чтоб оттекал ликвор, уносил мусор. Не будет оттекать и уносить – станут накапливаться плохие, негодные пептиды. Придут Альцгеймер, Паркинсон и прочая недобрая компания. Понятное дело, сжимаясь, мозговые клетки не могут работать в полную силу. Они начинают выдавать разную бредятину, собственно, и отражаемую нами в качестве сновидений. Произойди такое с человеком бодрствующим, он натворит дел.

Теория снов получилась красивой, непротиворечивой. За прошедшие годы было получено несколько явных её подтверждений и некое количество столь же глубоких возражений. Тут пусть разбираются специалисты. Мы лишь отметим: гипотеза эта отвечает на вопрос *почему снятся сны*. А нам интересней – *зачем*.

Первый ответ очевиден и довольно прост. Во сне мы оживаем. Морально и физически: *«Дезанов наконец заснул. Побитые в принципе хорошо спят. Говорят, им снятся приятные*

сны». Момент оправдания сна уже убедительный, но ещё недостаточный. Важнее другое: в читаемом романе снам отведена существеннейшая и парадоксальная роль средства общения: *«– Главный критерий: хочется тебе видеть во сне других или нет»*. Лишь во сне ты способен понять Другого. Ибо сам немножко растворяешься. Утрачиваешь внешнюю мембрану, отделяющую тебя от мира.

Тут приведём редкий-редкий фрагмент длинных и некоммуникативных рассуждений. Почти лишённый, в отличие от остальной текстовой ткани, иронического компонента: *«Сны – место, где обрывки желаний, те, что не вместились в реальность, комбинируются друг с другом и нам предоставляются. Ошибочно мнение о нереальности в снах происходящего. Сны аморфны по своей природе, и аморфность происходящего согласуется с этим, существует комбинация аморфного с не аморфным, когда реально пространство и нереальны события, когда в несуществующем происходит что-то реальное (с нашей точки зрения). В снах же не случается противоречия, они абсолютны, и вообще никто и не говорил, что сны должны предоставлять нам некие доказательства, в снах наша жизнь за ними также доказана быть не может. Однако, наличие второй реальности для большинства индивидов, не могущих постигнуть и эту, нежелательно. Ведь аморфное – неуловимо.*

Основное отличие сна от яви для данной концепции в том, что живем так в сиюминутной данности, в изменяющемся пространстве, главное здесь – наблюдать».

То есть ирония в приведённом отрывке вполне присутствует, но считываема она лишь в контексте. Так в этом смысле ею книга проникнута очень даже! Не гёгами, не приколюхами в стиле обзорщиков и стендаперов, а как жизнь наша: перестанешь над ней смеяться, так и жить перестанешь. Во всех смыслах.

Вернёмся к сути. Факт, что сны индивидуальны, взаимодействию не противоречит. Речь ведь тоже индивидуальна. Да и восприятие мира в целом: *«...это не та Двина, что на карте, а местная»*. Наяву ты беспрерывно станешь сопротивляться: мол, та эта Двина, я её сам видел! Или наоборот: не Двина это вовсе,

¹ Или нет. Тут версии расходятся. Но вариант с вообразимыми преступлениями непротиворечив. В отличие от конкурирующего предположения.

навигатор другое говорит! Во сне же готовность к принятию выше. Это ж не ты сон воспринимаешь, а он тебя; не ты осознаёшь сон, но видение осознаёт тебя. Получается, реальный мир у каждого свой, а сны – общие.

Такая метафора всеобщего коммуникативного сна оказалась бы уже неплохим обоснованием интереса к роману. Но, во-первых, недостаточным. Всё-таки притча о Чжуань-цзы про безразличие факта, кто кому снится, создана очень давно. А во-вторых, книга совсем не об этом. Перемешанность реальности с иллюзиями тут служит лишь приёмом. Хотя важным, оправдывающим и уравнивающим абсурд и норму: «Он съел спички, целый коробок, и пятнадцать вареных картофелин». В нашей так называемой действительности градус абсурда примерно идентичен. Лишь проявления отличаются. Только бредовость происходящего мы тщательно скрываем от себя и друг от дружки. Оттого, может, и легче общаться на уровне сновидений: бессознательное у всех одинаково безумно по модулю.

Но должны ж быть и в явленном мире какие-то базовые ценности, общие для всех! Деньги, например.

А вот и нет. В главе девять разразится тотальный переворот. Деньги отменяют. Сбудутся мечты не-идиотов: «*Деньги приятная вещь. И почему на всех не напечатать*». Заметим: я не сдаю базу! В смысле не раскрываю сюжета. Ибо, как уже говорил, тут куда важнее личные и межличностные перипетии. Внешний же фон лишь задаёт правила игры. Кстати, существенный момент: и в книгах, относимых к реалистическому направлению, и в твёрдой фантастике, и, разумеется, в фэнтези различных подвидов протагонист, стремящийся к чему-либо, непременно принимает в достижении цели решающее участие. Или хотя бы значительное. Перемены к худшему, разумеется, вольны разразиться посредством самых разнообразных сил, но победа – его заслуга. Он герой или кто?

В романе «Не себе» опять всё иначе. Поистине: и не себе, и не сами, и не для себя. Как мы помним, люди готовили революцию, готовили. Несли, так сказать, лишения и тяготы. Но она вдруг свершилась сама собою, заставив их расхлёбывать последствия.

Ни давки, ни очередей, ни содому, ни насилия – ладно, такое возможно в рамках определённого мира. Но снова поражают индивидуумы. Те, кто считал деньги базовой и фундаментальной ценностью, по-прежнему готовы умереть за них: «*Никита Петрович очень боялся, что его сейчас переведут в другое измерение, и собственно как имя-фамилия он перестанет функционировать. Будет просто овощ, как бешенный томат или брюссельская капуста. Может, предложить денег? Но их было жаль*».

Повторим. Деньги отменили, даже запретили. Владение ими стало тяжёлым преступлением. Но люди, творившие ради этих денег опасные nepотребства, по-прежнему их воздеуют. Денег, а не nepотребств. Но и персонам, куда более приятным, сбывча мечт особого счастья не принесла. Как минимум – моментально не принесла.

Ну, вот теперь можно поговорить о книге, на которую «Не себе» действительно чуть похожа. И сказать, в чём всё-таки заключено их фундаментальное различие. Я про роман «Пена дней» Бориса Виана. Там тоже и злодеи какие-то ненужные, и у главных персонажей нет проблем с деньгами (по крайней мере – в начале действия), и разные сновидческие чудеса сильно облегчают жизнь. Чудеса вправду добрые: от запасного домашнего солнца до фортепиано, создающего коктейли ни из чего, и общительного мышонка-уборщика.

А счастья нет, и коммуникация в реале сильно затруднена.

«Пена дней» завершала эпоху господства экзистенциальной философии. Ровно в том смысле, в каком «Дон Кихот» завершал эпоху рыцарскую, а, допустим, Пелевин (давно, ещё в «Затворнике и шестипалом») прощался с постмодерном.

Роман «Не себе» не прощается ни с кем и ни с чем. Он создан в совершенно определённую эпоху. Смотрите: какую бы литературу на тему мироустройства мы сейчас ни прочли, какую бы интересную лекцию на эту тему ни глянули, в финале, по мере приближения к вещам фундаментальным, мы непременно встретим две идеи:

- 1). мультиверс;
- 2). антропный принцип.

Источники знаний могут быть разными: от научпопа до публикаций действительно значимых и реферируемых в мировых научных базах. Степень развития концепций также может различаться. В случае мультиверса – от зарождения множества вселенных при Большом Взрыве до появления где-то новой вселенной при каждом колебании атома в мире, явленном нам в ощущениях. И антропный принцип бывает разным. На минималках – мир создан таким, чтоб в нём при каких-то условиях мог появиться разумный наблюдатель. А появившись, не погибнуть мгновенно. В радикальном же варианте предполагается, что всё это великолепие создавалось в течение пятнадцати миллиардов лет, чтоб появился ты. Да, именно ты, дорогой читатель. Конечно, сие лежит уже максимально подле солипсизма, но подобные теории существуют. Даже обладают математическим аппаратом, хоть и сложным.

Ну, вот и в «Не себе» идеи эти вполне изложены. Художественными, разумеется, методами. Хитрый персонаж Нелер, скорее, намекает на существование мультивселенной. То есть любое потенциальное действие будет приводить к усложнению исходного сада расходящихся тропок. Только, в отличие от варианта Борхеса, сад у каждого окажется своим. А тропки, значит, пересекающимися. Оттого антропный принцип тоже работает: человек человеку друг, товарищ, персонаж и наблюдатель. Плюс немножко создатель общего мира.

Теперь ключевой и неизбежный вопрос. Прямо вот из средней школы: а имел ли автор всё это в виду? Не знаю. Вот правда не знаю. Но как прочёл – так прочёл. Включив тем самым себя в мир книги. В мир, каким его воспринял и, может быть, – додумал. Но логике прочитанного романа данный момент не противоречит, кажется.